

Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко; 1798–1868): очерк церковного и общественного служения

Протоиерей Александр Романчук, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии, кандидат богословия

Имя митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) имеет особое значение для православных верующих Литвы, Беларуси и Польши. Его трудами в 1839 г. на территории Российской империи прекратилось действие Брестской церковной унии (кроме Холмщины в Царстве Польском). Это событие стало самым важным в конфессиональной истории литовско-белорусских земель в XIX в. Благодаря упразднению Унии Православие вернулось в религиозную жизнь полутора миллионов людей, и мы – их потомки, сейчас идем по православному пути ко спасению. В 2018 г. исполняется 220 лет со дня рождения и 150 лет со дня блаженной кончины митрополита Иосифа. Такие даты являются поводом для того, чтобы вспомнить основные вехи его жизни и деятельности. Это тем более важно, что память об архиерее-воссоединителе, как высокопреосвященного Иосифа называли в дореволюционной православной историографии, в настоящее время во многом утрачена, а это несправедливо.

Иосиф (в миру Семашко Иосиф Иосифович) родился в селе Павловка Липовецкого уезда Киевской губернии (ныне Винницкая обл. Украины) в день Рождества Христова – 25 декабря 1798 г. – в семье небогатого украинского шляхтича, с 1811 г. греко-католического священника. Предки Иосифа и многие его ближайшие родственники по отцовской и материнской линиям принадлежали к униатскому духовенству.

Мировоззрение юного Иосифа складывалось под воздействием противоречий, в которых жила его семья. Несмотря на непризнание правительством Российской империи дворянских прав, Семашко, согласно собственным представлениям и в глазах окружающих, принадлежали «панскому» польскому обществу. В то же время их быт и нравы мало отличались от быта и нравов украинских крестьян. Это коренным образом повлияло на формирование личности Иосифа, который до 12 лет воспитывался в окружении простого украинского народа и увлекался его песнями, сказками и преданиями, наполненными любовью к русской старине и негативным отношением ко всему польскому. Отсюда, вопреки социальному положению, в его душе появились симпатия к России и неприязнь к полякам, как врагам и угнетателям.

Не менее противоречивыми были детские религиозные впечатления Иосифа. Семашко оставались единственными униатами в родном селе. Все прочее население этой местности в 1795–1796 гг. решительно отказалось от Унии и вернулось в свое прежнее православное исповедание. Первые годы жизни Иосиф посещал православную церковь в родной Павловке, что было связано с демонстрацией лояльности Православию его отца, отсутствием в округе униатской церкви и тем, что начальное домашнее образование в те времена тесно соединялось с участием детей в церковном богослужении. Отсюда с самых юных лет в сознании Иосифа утвердилось предпочтение православных форм богочитания иным его формам. Оно только укрепилось, когда с 10-летнего возраста родители запретили Иосифу ходить в православный храм и начали возить его в ближайший костел. Католическая служба казалась ему театральным представлением, а сравнение благочестия православных крестьян с нравами местного костельного общества, состоявшего из ополяченной украинской шляхты и польских помещиков, явно было не в пользу последних.

Сформировавшиеся в раннем возрасте симпатии оградили Иосифа от воздействия Латинства и полонизма во время его 7-летнего обучения (1809–1816 гг.) в Немировской гимназии (Каменец-Подольской губ.), где под влиянием идей князя А. Чарторыйского процесс образования и воспитания был пронизан польским католическим духом. После успешного окончания гимназии (первым в разрядном списке) Иосиф в 1816 г. поступил в Главную духовную семинарию при Виленском университете – католическое высшее богословское учебное заведение, выпускники которого предназначались для занятия административных должностей в системе Высшего управления католической и униатской церковью, а также профессорских вакансий в католических епархиальных семинариях. Преподавание в Главной семинарии было свободно от латинской ультрамонтанской исключительности и основывалось на принципах научной критики, что позволило Иосифу развить свои большие природные дарования, получить хорошую богословскую подготовку, но, одновременно, отчасти заглушило в нем симпатию к Православию.

Воспитанники Главной семинарии были внешне ограждены от практикуемой в стенах Виленского университета настойчивой пропаганды полонизма. Польские идеи распространялись среди студентов-богословов ненавязчиво и в очень привлекательной форме. В результате Семашко, как

и другие униатские воспитанники Виленского университета, приобрел некоторую привязанность к Польше, хотя до конца не потерял и приятное отношение к России.

6 июля 1820 г. Иосиф завершил обучение в Главной семинарии, получив степень магистра богословия за диссертационное сочинение «Christianacurabonorumtemporalium».

В течение последующих двух лет Иосиф Семашко проходил церковное послушание в должности асессора консистории униатской Луцкой епархии (в м. Жидичин) и исполнял обязанности воспитателя в местной ставленнической семинарии. 6 октября 1820 г. Луцким епископом Иаковом Мартусевичем над ним была совершена ипподиаконская хиротесия (без вступления в брак), а затем 26 декабря 1820 и 28 декабря 1821 г. диаконская и священническая хиротонии.

20 июня 1822 г. отец Иосиф был выбран на должность заседателя в униатском департаменте Римско-католической духовной коллегии и отправился в Петербург. Здесь он вскоре получил звание канонника (23 марта 1823 г.), а потом и прелата (8 октября 1825 г.). Пребыванием в столице Семашко поспешил воспользоваться для углубления своего образования путем чтения русской научной и художественной литературы, к которой он не имел ранее доступа, а также здесь он после многолетнего перерыва по велению сердца вновь начал посещать православное богослужение.

Уже во время пребывания в Луцке, а в Петербурге в особенной степени, Иосиф получил возможность наблюдать факты крайне расстроенного и угнетенного состояния Униатской Церкви. После потрясений в конце XVIII в., когда лоно Унии в пределах России как в пользу Православия, так и в пользу латинского обряда оставили не менее 3 000 000 чел., эта Церковь насчитывала приблизительно 1 500 000 последователей, компактно проживавших на территории Запада и Северо-Запада современной Беларуси, а также рассеянных по Литовским и Украинским землям. В основном униаты были крепостными крестьянами и принадлежали помещикам-католикам латинского обряда. В первой

четверти XIX в., не имея как во времена Речи Посполитой особой поддержки высшей власти, Уния в России занимала между Православием и Католичеством латинского обряда неустойчивое положение. Оно осложнялось кризисными явлениями во всех важнейших сферах церковной жизни: управления, канонического права, духовного образования, богослужения, материального обеспечения и проч. Непоследовательность политики русского правительства, его непонимание глубинной сути проходивших на западной окраине империи в конфессиональной сфере процессов, полное отсутствие среди униатов православной миссии; в противоположность этому активная деятельность ксендзов, помещиков-католиков и, внутри самой Унии, монахов базилианского ордена, действовавшего при молчаливой поддержке большей части епископата, в полном составе вышедшего из этого ордена, вели Унию к поглощению Польским Католичеством через латинизацию всех сторон ее жизни и прозелитизм среди ее членов. Полному слиянию Унии с римским обрядом с помощью реформ и сохранения остатков самобытности в литургической области пытались противостоять митрополит Ираклий Лисовский (†1809 г.), архиепископ Иоанн Красовский (†1827 г.) и члены Брестского епархиального капитула. Их поддерживала значительная часть белого духовенства.

Иосиф Семашко разделял взгляды защитников самобытности Унии, полагая, что она может наравне с Православием быть духовным фундаментом жизни восточных славян. Поэтому он пытался на своей деятельности противостоять слиянию Унии с Латинством. Во время суда над архиепископом Иоанном Красовским по сфабрикованному базилианами обвинению прелат Иосиф Семашко резко выступил в защиту этого иерарха, который был известным противником латинизации униатского богослужения и сторонником лояльности русскому правительству. Также Семашко возбудил в коллегии дело о возвращении незаконно переведенных ксендзами в костелы 20 000 униатов Виленской губернии. В целом он старался не допускать принятия ущемляющих

интересы греко-католиков решений Римско-католической духовной коллегии.

Усилия Иосифа оказались тщетными. Он на собственном опыте убедился в невозможности изнутри остановить разрушение Унии латинизаторами и полонизаторами, а также пришел к выводу, что через греко-католичество происходит денационализация белорусов. Это заставило его разочароваться в Унии и Римском Католицизме, чему в немалой степени способствовали новый духовный опыт от посещения православного богослужения, новые знания, почерпнутые из русской литературы, а также яркие впечатления от столицы империи – Петербурга. Следствием стало то, что в 1827 г. Иосиф Семашко, несмотря на блестящие перспективы карьерного роста в Униатской Церкви, принял решение лично присоединиться к Православию, принять монашеский постриг и поступить в иноки Александро-Невской лавры. Обосновывая свое желание, он начал писать «Сочинение о Православии Восточной Церкви», где прямо заявлял о своем убеждении в ложности католического пути ко спасению. После завершения этой работы отец Иосиф намеревался публично объявить о переходе в Православие. Однако его намерению не суждено было исполниться.

В начале ноября 1827 г. Иосиф Семашко неожиданно получил от директора департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.И. Карташевского предложение письменно изложить свои мысли о положении Униатской Церкви. Исполняя просьбу, прелат Иосиф, опираясь на Сенатский указ от 9 октября 1827 г., предписывавший восстановить древние обряды в униатском богослужении, составил записку «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», которую подал Карташевскому 5 ноября 1827 г. В ней он предложил ряд мер, не только ограждающих униатов от латинизации и ополячивания, но и долженствующих привести их к воссоединению с Православием. При этом Семашко исходил из личных представлений о том, что Униатская Церковь по духовным качествам и ментальным особенностям ее членов остается составной частью Русской

Церкви. Эта записка, поданная через министра народного просвещения А.С. Шишкова, в чьем ведении находились все дела Католической Церкви в России, императору Николаю I, встретила заинтересованность монарха, который 6 декабря 1827 г. с формулировкой «за отличные способности, ревность и примерное благонравие» наградил ее автора бриллиантовым крестом.

Ободренный вниманием, прелат Иосиф 17 января 1828 г., подал А.С. Шишкову подписанное всеми членами униатского департамента Римско-католической духовной коллегии (кроме архимандрита Януария Быстрого) представление о преобразовании Униатской Церкви согласно своим идеям. На его основании в канцелярии Шишкова при деятельном участии Семашко, высказывавшего свои мнения по конкретным вопросам в многочисленных конфидициальных записках, был составлен «Всеподданейший доклад о преобразовании Греко-униатской Церкви соответственно истинным потребностям и пользам принадлежащих сему исповеданию». Следствием доклада стал высочайший указ «Об учреждении Греко-Униатской духовной коллегии» от 22 апреля 1828 г., всецело впитавший в себя предложения прелата Иосифа и положивший начало возвращению униатов в Православие.

Инициированный Иосифом проект разрыва Брестской церковной унии на территории Российской империи предусматривал: 1) размежевание Высшего управления Униатской Церкви и Высшего управление Католической Церкви латинского обряда путем учреждения самостоятельной Греко-униатской духовной коллегии; 2) повышение эффективности церковного руководства в Унии посредством укрупнения епархий (их число при этом сокращалось с 4 до 2 – оставались Белорусская с центром в Полоцке и Литовская с центром в м. Жировичи); 3) унификацию органов управления униатских епархий со свойственными тому времени православными образцами; 4) подрыв могущества базилианского ордена ликвидацией монашеского самоуправления, подчинением монастырей епархиальному начальству, сокращением их числа с 83 до 24, лишением большей части доходов и разрешением

монахам, пришедшим в Унию из латинян, вернуться в римский обряд; 5) возвышение роли и сословное укрепление белого духовенства (это должно было достигаться повышением уровня его образования (предполагалось открыть униатскую духовную академию и епархиальные семинарии, с принятыми в Русской Церкви стандартами образования и воспитания), улучшением материального положения за счет средств базилиан, а также уменьшением напряженности внутри духовенства через разрешение детям священников выходить из духовного звания); 6) отмену права патроната (коляторства) польских землевладельцев над униатскими церквями.

Преобразования вели к введению канонической автономности Греко-католической Церкви в рамках Брестских униональных соглашений 1596 г., преодолению накопившихся в униатской церковной жизни кризисных явлений, максимально возможному ограждению униатов от влияния латинского духовенства и помещиков-католиков, а также приближению униатов к господствующей Церкви в церковно-административной и духовной сферах.

Смысл реформ заключался в оздоровлении церковного организма Унии и пробуждении среди униатского клира религиозной неудовлетворенности Католичеством и исторической памяти о православном исповедании предков. Последнее, согласно мнению прелата Иосифа, должно было способствовать возрождению в среде униатских священников свойственных Восточной Церкви форм духовной жизни и соответствующим образом повлиять на простой народ. Это естественно и без насилия вело униатов к возвращению к православному вероисповеданию. Первоначально не подразумевалось вмешиваться в вероучение, литургическую практику и сложившиеся традиции греко-католиков, что прелат Иосиф считал преодолимым со временем.

Во главе предложенного Семашко воссоединительного проекта воссоединения униатов с православными встал сам император Николай I, непосредственным исполнителем был назначен товарищ министра народного просвещения и главноуправляющий делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудов. Иосиф Семашко выступал в роли советника.

В 1828–1829 гг. в Униатской Церкви были проведены все (за исключением создания униатской духовной академии) намеченные церковно-административные реформы. При этом Иосиф Семашко не только посредством конфиденциальных записок и отношений консультировал Д.Н. Блудова, но и составлял черновые проекты важнейших правительственных распоряжений. Их, после личного одобрения Николая I, который в это время уделял униатской проблеме большое внимание, Блудов реализовывал через соответствующие правительственные инстанции.

Преобразования не касались канонического подчинения униатов Риму, их католического вероучения и литургической практики. Поэтому противники реформ – униатские епископы, руководители базилиан, латинское духовенство и польское общество в крае – не смогли разобраться в сути происходящих изменений. То же можно сказать и о Римской курии, о чем свидетельствуют ноты, поданные русскому правительству кардиналом Томаззо Бернетти 31 декабря 1828 г. 12 января 1830 г., содержащие претензии Рима к происходящим в России реформам Униатской Церкви. В них заявлялось: 1) начатые в русской части Унии преобразования являются происками приходского духовенства, которое желает добиться уравнивания в привилегиях с римским духовенством; 2) белый клир стремится упразднить базилианские монастыри для завладения их фондами и доходами; 3) сокращение числа епархий ведет к тому, что они становятся слишком пространными и неудобны для управления; 4) новый порядок управления Унией в России не вводится решением Папы и не сходен с порядком управления другими католическими провинциями.

Николай I потребовал, чтобы проект ответа Риму был составлен Иосифом Семашко, что тот и сделал в записке от 6 апреля 1829 г., «С опровержением притязаний, полученных правительством от Римского двора, по поводу новых распоряжений относительно Униатов». Опираясь на бреве папы Климента VIII от 1595 г., буллу папы Бенедикта XIV от 1744 г., универсал короля Сигизмунда III, данный униатам при введении

унии, а также, указав на противоречия в постановлениях Флорентийского (1439 г.) и Замойского (1720 г.) соборов, Семашко убедительно опроверг все обвинения. Более того, он доказал, что проводимые реформы направлены на благо Унии в пределах России и ведут ее к оздоровлению и укреплению. Одновременно Иосиф напомнил, что изначально союзная Риму часть Русской Церкви должна была иметь широкие права самоуправления и беспрепятственно хранить свое богослужение. Этим он не только постарался пресечь новые попытки Рима вмешаться во внутренние дела Унии, но и успокаивал очень чувствительных к европейским мнениям русских сановников, используя случай вновь указать правительству на историческую несправедливость сложившейся в Западных губерниях этнокультурной и религиозной ситуации.

В 1829 г. в интересах утверждения среди униатского духовенства Православия Иосиф перевел на польский язык сочинение свт. Филарета Московского «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви». В том же году 29 июля он принял монашество, сохранив свое мирское имя, и, оставаясь членом Греко-униатской коллегии, 8 августа 1829 г. был посвящен в сан епископа с наименованием Мстиславльский и назначен викарием полоцкого епископа Иакова Мартусевича с поручением исполнять обязанности председателя консистории Белорусской епархии. Во время хиротонии, совершавшейся митрополитом Иосафатом Булгаком, епископом Иаковом Мартусевичем и епископом латинского обряда Иосифом Гедройцем в костеле св. Екатерины в Петербурге, Иосиф Семашко, принося присягу на верность Папе, с ведома Николая I опустил в ее тексте противные его религиозной совести места. К сожалению, неизвестно какие. Перед рукоположением он получил в дар от императора полное православное архиерейское облачение.

В 1830 г. преосвященный Иосиф предпринял шестимесячную поездку по всем униатским епархиям с целью ревизии и ознакомления на местах с ходом преобразований. Результатом поездки стал доклад от 30 сентября,

засвидетельствовавший факт успеха реформ и сочувствие им со стороны белого униатского духовенства.

К 1830 г. во многом благодаря энергичной деятельности епископа Иосифа Греко-католическая Церковь в России по своему устройству была подготовлена к воссоединению. Оставалась кропотливая, рассчитанная на многие годы работа по укоренению нового церковного порядка и утверждению в сознании униатов необходимости возвращения в Православие. Этому процессу помешало восстание сторонников восстановления Речи Посполитой 1830–1831 гг., затронувшее литовские и белорусские территории. В 1831–1833 гг. подготовка разрыва Унии практически остановилась, что было обусловлено отвлечением от проекта внимания императора Николая I, занятого более важными и масштабными проблемами, и связанной с этим пассивной позицией Д.Н. Блудова, ставшей особенно явной с назначением его в феврале 1832 г. министром внутренних дел (с оставлением главноуправляющим делами иностранных исповеданий).

Прекращение правительством решительных действий в отношении Униатской Церкви позволило противникам приближения униатов к Православию попытаться с помощью интриг парализовать уже проведенные реформы. Они действовали и на местах, и в столице. Наиболее заметной была деятельность базилианского провинциала архимандрита Иосафата Жарского, который, невзирая на подозрения в сочувствии сторонникам возрождения Речи Посполитой, сумел добиться покровительства члена Государственного совета Н.Н. Новосильцева и связанных с ними чиновников. В ноябре 1831 г. Жарский вошел в состав Греко-униатской духовной коллегии, провел в 1832 г. ревизию 37 монастырей и в феврале 1833 г. представил собственный план реформирования Унии, возвращавший ее к прежним тенденциям полонизации и латинизации под маскирующей новой оболочкой.

Деятельность архимандрита Иосафата Жарского проходила при молчаливом попустительстве Д.Н. Блудова, не реагировавшего на предупреждения и протесты епископа Иосифа. Ситуация очень

напоминала прежние времена, когда с помощью влияния на высокопоставленных чиновников униатские монахи ловко парализовали любые начинания русских властей и удерживали под контролем всю Греко-католическую Церковь. Пассивность и двусмысленное поведение Блудова заставили преосвященного Иосифа предположить, что Николай I склонен отказаться от проекта общего воссоединения униатов с православными. Чтобы прояснить положение он 17 февраля 1832 г. подал прошение с просьбой освободить его от должности заседателя коллегии и отпустить из столицы в епархию. Прошение не было удовлетворено без всяких объяснений.

Чтобы выйти из сложившегося тупика епископ Иосиф 26 июля и 15 октября 1832 г. подал Д.Н. Блудову две записки: «О ходе Униатского дела» и «О разных мерах, которые следовало бы принять по Униатскому делу». В них предлагался новый более решительный план разрыва союза с Римом через выведение униатов из ведомства МВД и подчинение уже преобразованных органов управления Униатской Церкви и ее учебных заведений ведению Св. Синода. Такая мера теснейшим образом соединяла униатов с православными. Согласно замыслу она, дополненная целенаправленной работой стремящегося к воссоединению униатского начальства с подчиненным духовенством, должна была в течение трех–четырёх лет привести к незаметному и полному слиянию Унии с Православием. Ответа на данное предложение не последовало.

26 января 1833 г. скончался управляющий Литовской епархией епископ Иаков Мартусевич. 2 апреля 1833 г. именным высочайшим указом, данным Пр. Сенату, епископ Иосиф Семашко был назначен управляющим Литовской епархией с оставлением в должности члена Греко-униатской духовной коллегии. Несмотря на такое карьерное возвышение, преосвященный Иосиф, предполагая, что подготовка разрыва союза с Римом окончательно остановлена и, не желая служить на противном его убеждениям поприще, решил оставить Унию и лично присоединиться к Православию. Для этого он 15 мая 1833 г., заготовив соответствующее прошение, попытался попасть на прием к обер-прокурору Св. Синода С.Д.

Нечаеву. Их встреча волей случая не состоялась, но эта попытка сразу же привела Семашко к откровенному разговору с Д.Н. Блудовым, который заверил его, что планы упразднения Унии не изменились, а проект Иосафата Жарского, несмотря на покровительство Н.Н. Новосильцева, отвергнут.

Объяснение с Блудовым успокоило владыку Иосифа. Между тем события в Беларуси и Литве принимали неблагоприятный оборот. Проведенные реформы еще не успели переломить прежние тенденции внутри Греко-католической Церкви. Влияние помещиков-католиков и римского духовенства на униатский клир и силы базилиан еще не были подорваны. Репрессии, коснувшиеся участвовавших в восстании базилианских монахов, казались значительной части униатов религиозными гонениями. Это отталкивало их от Православия.

Наконец, вооруженное выступление патриотов Польско-Литовского государства возмутило все русское общество. Русские землевладельцы, чиновники, православное духовенство в Беларуси и Литве смотрели на униатов как на предателей и польских пособников. В результате возникла стихийная православная миссия, которая привела к частным обращениям наиболее склонных к переходу в Православие униатов, особенно крестьян, принадлежавших русским помещикам. Это движение получило дополнительный импульс с образованием 30 апреля 1833 г. православной Полоцкой и Виленской епархии. Во главе ее был поставлен епископ Смарагд Кржижановский, сразу проявивший миссионерскую активность, огульное недоверие к униатскому духовенству и к епископу Иосифу в том числе. Поддержанный обер-прокурором Св. Синода С.Д. Нечаевым, ничего не знавшим о подготовке общего воссоединения, епископ Смарагд развернул широкомасштабную кампанию по присоединению униатов. Она немедленно захватила все православные епархии, на территории которых проживали греко-католики. Всего в Литве и Беларуси из Унии в Православие в 1833 г. обратилось до 30 000 человек. Такой успех создавал в русском обществе иллюзию повторения массового возвращения униатов в Православие, имевшую место на Украине в правление императрицы

Екатерины II. Преосвященный Иосиф, посетив летом 1833 г. белорусские территории и досконально изучив ситуацию, начал опасаться, что в частных присоединениях, которые по его мнению могли затронуть лишь малую часть униатов, а остальных невозвратно оттолкнуть в латинский обряд, император может увидеть альтернативу уже осуществлявшемуся проекту.

В этих условиях, получив заверения Д.Н. Блудова в неизменности ранее намеченного курса, преосвященный Иосиф в записке от 25 октября 1833 г. «О ходе Униатского дела и о частном присоединении Униатов Православным духовенством» повторил свое предложение подчинить Греко-униатскую духовную коллегия Св. Синоду и выступил с критикой практики частных присоединений, несовместимой с проектом общего воссоединения. Ответа вновь не последовало. Это не заставило Иосифа отступить, но подтолкнуло его на решительные самостоятельные действия.

16 ноября 1833 г. в целях укрепления позиций сторонников общего воссоединения в руководстве Униатской Церкви владыка Иосиф ходатайствовал перед императором Николаем I о рукоположении в епископский сан известных ему по годам обучения в Главной семинарии и единомышленных с ним безбрачных священников – Антония Зубко, ректора открытой в 1828 г. в Жировичском Успенском монастыре Литовской духовной семинарии, и председателя консистории Полоцкой епархии Василия Лужинского. Одновременно Семашко просил и о посвящении в архиерейское достоинство архимандрита Иосафата Жарского – ярого противника воссоединения. Таким неординарным ходом преосвященный Иосиф стремился нейтрализовать его как своего оппонента, удовлетворив его амбиции, и несколько ослабить подозрительность базилиан. В январе 1834 г. указанные лица были рукоположены и назначены на должности vikariev: Антоний Зубко и Иосафат Жарский – Литовской епархии; Василий Лужинский – Белорусской. Перед хиротонией преосвященный Иосиф взял от них подписки о готовности присоединения к Православию в любое время.

Такую подписку дал и Иосафат Жарский, что заставляет задуматься об искренности его конфессиональных убеждений.

Опираясь на поддержку новых епископов, Семашко 7 февраля 1834 г. без ведома Д.Н. Блудова провел через Греко-униатскую духовную коллегияу подписанное всеми греко-католическими архиереями постановление, которым предписывалось: 1) принять в руководство служебник и книгу молебных пений издания Московской синодальной типографии; 2) устроить во всех униатских храмах иконостасы; 3) ввести в использование при богослужении облачений и утвари, свойственных Православной Церкви. Во исполнение этих решений преосвященный ходатайствовал перед Св. Синодом о предоставлении униатским епархиям по 10 000 р. на строительство иконостасов в беднейших храмах и по 1500 экз. указанных книг.

Постановление встретило настороженность со стороны Д.Н. Блудова и поставленного в известность о подготовке воссоединения свт. Филарета Московского, опасавшихся массовых протестов, как со стороны униатского духовенства, так и со стороны простого народа. Преосвященному Иосифу удалось убедить их в своевременности и гарантированном успехе своих шагов. Согласно его намерению, постановление коллегии от 7 февраля должно было напомнить императору Николаю I о проблеме общего воссоединения униатов, подтолкнуть его к тому, чтобы остановить возглавляемых епископом Смарагдом Кржижановским православных миссионеров и подчинить униатов Св. Синоду, тем самым однозначно сделав выбор в пользу общего воссоединения.

Надежды архиерея-воссоединителя не оправдались. Частные присоединения не были остановлены, но по инициативе императора лишь упорядочены составленной свт. Филаретом Московским секретной инструкцией под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопределены с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия». Она была разосланной адресатам 13 апреля 1835 г. В результате в Беларуси и Литве унию в пользу

господствующего исповедания оставили в 1834 г. 35 297 чел., в 1835 – 44 398, в 1836 – 46 777. В то же время мнение Семашко было принято во внимание и для согласования различных точек зрения на воссоединение по повелению Николая I 26 мая 1835 г. был образован Секретный комитет по делам Греко-униатской Церкви, в который вошли: от греко-католиков – митрополит Иосафат Булгак и епископ Иосиф; от православных – свт. Филарет Московский, митрополит Петербургский Серафим и Тверской архиепископ Григорий; от правительства – министр внутренних дел Д.Н. Блудов, обер-прокурор Синода С.Д. Нечаев, П.А. Толстой, А.Ф. Голицын и А.С. Танеев.

До конца 1836 г. Секретный комитет собирался только 3 раза. Под влиянием владыки Иосифа, консультировавшего его председателя Д.Н. Блудова, он принял важные решения: 1) введение изучения греко-православного катехизиса в униатских семинариях (3 июля 1835 г.); 2) восстановление иконостасов в униатских церквях (3 декабря 1835 г.); 3) подчинение униатских семинарий комиссии духовных училищ Св. Синода (13 марта 1836 г.). Эти решения без главного – подчинения униатов православной духовной власти, – не могли привести к разрыву союза с Римом. Но преосвященному Иосифу не удавалось добиться более решительных шагов, т.к. Секретный комитет оказался полем интриг против планов общего воссоединения со стороны сторонников частных присоединений во главе с С.Д. Нечаевым.

Медленная и нерешительная работа комитета проходила на фоне развития противодействия со стороны духовенства латинского обряда и помещиков-католиков, подстрекавших униатских священников к сопротивлению своей иерархии и занимавшихся среди униатов прозелитизмом. Положение епископа Иосифа становилось все более тягостным. Он начал сомневаться в самой возможности с помощью представителей российской бюрократии упразднить Унию, что вынудило его 24 сентября 1836 г. вновь подать прошение о личном присоединении к Православию.

Дело дошло до государя, который через ново назначенного обер-прокурора Св. Синода графа Н.А. Протасова потребовал от преосвященного Иосифа объяснений. В ответ Семашко представил 8 октября 1836 г. записку, в которой описал опасности для подготовки упразднения Унии. Он видел их со стороны: 1) неправильной организации дела (подчинение униатов Д.Н. Блудову как министру внутренних дел и главноуправляющему иностранными исповеданиями); 2) православного духовенства, не доверявшего униатскому священноначалию, миссионерской активностью отталкивавшего большую часть униатов от Православия; 3) латинского духовенства и польских патриотов. Единственный выход из затруднения, по мнению владыки, мог заключаться только в подчинении Униатской Церкви если не прямо Св. Синоду, то хотя бы его обер-прокурору. «Замедление, – делал вывод И., – решительно обращается только в пользу Римлян, и, по всей вероятности, через некоторое время эта мера будет уже бесполезной и только подвергнет оное начальство (т.е. правительство – А. Р.) ответственности за неуспех дела, предыдущими обстоятельствами приготовленный».

Записка имела успех и 1 января 1837 г. заведование униатскими делами перешло в ведомство обер-прокурора Св. Синода с одновременным подчинением Греко-униатской коллегии Пр. Сенату. Эта мера была половинчатой, но она давала надежду на координацию действий православных и греко-католических духовных властей.

Отчасти надежды архиерея-воссоединителя оправдались. В 1837 г. по ходатайству Н.А. Протасова епископ Смарагд был переведен из Полоцка на Могилевскую кафедру. С его уходом из региона компактного проживания униатов частные присоединения практически прекратились, что устранило альтернативу воссоединительному проекту.

В 1834–1838 гг. преосвященный Иосиф трудился над литургическим сближением униатов с православными, полагая это необходимым предварительным условием подчинения греко-католического Высшего церковного управления Св. Синоду. Его действия в этом направлении в основном носили характер личной инициативы, поэтому он мог

действовать только в пределах своих властных полномочий на территории Литовской епархии. Белорусская, находившаяся под омофором митрополита Иосифа Булгака, была ему недоступна.

Опираясь на постановление Греко-униатской коллегии от 7 февраля 1834 г., владыка Иосиф в 1834–1837 гг. осторожно, но твердо провел перестройку храмов согласно восточной традиции. Из церквей убирались органы, боковые алтари, латинские престолы и амвоны, монстранции, статуи, колокольчики и пр. Сооружались иконостасы и престолы на середине алтаря. Католическая богослужебная утварь и облачения заменялись на православные. В употребление вводились книги московской печати: Евангелия, Апостолы, служебники, книги молебных пений и проч. Для практического изучения духовенством православного богослужения епископ Иосиф учредил в Жировичском Успенском монастыре при Литовской духовной семинарии, преподавательский состав которой был подобран им из людей, убежденных в необходимости воссоединения, комиссию для определения правоспособности кандидатов на священнические и причетнические должности. Здесь же проходили обучение и аттестацию священники и дьячки, поставленные ранее, но оказавшиеся мало подготовленными.

Обрядовая реформа встречала тайный ропот духовенства и открытые требования все оставить в прежнем виде. Массовые протесты священников имели место в Новогрудке и Клецке. Но недовольство и сопротивление в большинстве случаев оказались связанными не с глубокими религиозными причинами, а с нежеланием духовенства переучиваться. Они легко преодолевались увещаниями, духовными епитимиями или переводом упорствующих на причетнические должности до исправления. Крайние меры приходилось употреблять редко. По Литовской епархии священников, переведенных на причетнические должности за непринятие православного служебника было 15.

Успех литургических преобразований позволил владыке Иосифу решительно приступить к религиозному убеждению своего подчиненного духовенства в истинности Восточной Церкви. Он делал это лично, во

время архипастырских поездок в 1834 и 1837 гг., через доверенных духовных лиц и посредством организованной раздачи православной полемической литературы. Такая работа не встретила затруднений. Многие священники полагали себя присоединенными к Православию уже одним фактом принятия православных служебников.

Помимо этого, преосвященный Иосиф занимался очищением белого духовенства от людей необразованных, отличавшихся дурным поведением и ненадежных в деле воссоединения. Для их устранения он в течение 1834–1835 гг. упразднил в Литовской епархии 130 маленьких приходов. Недостойные духовные лица почислялись за штат, а те, кто не имел морально-нравственных изъянов, назначались вторыми священниками при надежных настоятелях. Должности благочинных и настоятелей получали только проверенные лица. Такие действия преосвященного Иосифа, несмотря на болезненность для многих священнослужителей и членов их семей, не вызвали сопротивления, т.к. владыка хорошо знал основы жизни и служения духовенства и умело пользовался рычагами воздействия на него, но при этом не оставляя заботой даже тех подчиненных, которых он увольнял.

Столь же эффективными были усилия Семашко в отношении монашествующих К 1835 г., согласно решению, принятому в 1828 г., Унию оставили иноки, происходившие из римского обряда. Оставшиеся (197 чел.), не имели столь сильной как у поляков-латинян ненависти ко всему православному и русскому. Чтобы возродить в монашестве православные духовные основы епископ Иосиф ввел практику перемещения монахов из монастыря в монастырь, что не давало иночествующим организовать для противодействия и приучало их к свойственному восточному монашеству послушанию. Одновременно архиерей-воссоединитель заставлял их изучать православное богослужение

Успех литургических преобразований и подчинение в 1837 г. греко-католиков обер-прокурору Св. Синода позволили преосвященному Иосифу лично и через доверенное начальствующее духовенство

приступить к сбору с приходских священников подписок о личном желании присоединиться к Православию. Первые 10 подписок от духовных, занимавших наиболее важные административные должности, были взяты им еще в 1834 г. В 1837–1838 гг. это дело получило массовый характер. Всего к февралю 1839 г. были получены 1305 таких подписок. Сбор подписок не встретил проблем в Литовской епархии, но столкнулся с сопротивлением в Белорусской, где викарный епископ Василий Лужинский не сумел преодолеть сопротивление митрополита Иосафата Булгака, а также членов епархиальной консистории, в большинстве настроенных против сближения с православными. Негативную роль сыграла и миссионерская деятельность епископа Смарагда, заставившая униатов видеть в русском духовенстве врага. Поэтому подготовительные к воссоединению преобразования в Белорусской епархии не проводились с должной последовательностью, не имели такой же эффективности как в Литовской и сбор подписок здесь привел к недоразумениям и даже отдельным протестам. Преосвященный Иосиф справедливо видел в этом не только естественное желание недостаточно убежденных в справедливости совершаемого дела людей остаться верными старине, но и усилия патриотов Речи Посполитой, для которых планы упразднения Унии в связи со сбором подписок перестали быть секретом.

Латинское духовенство и помещики-католики, пользуясь своим влиянием на униатских священников, инспирировали их жалобы и даже обращения к высшей власти с требованиями оставить Унию в покое. Самый значительный протест имел место в сентябре 1838 г., когда 111 священников Белорусской епархии подали прошение на имя императора об оставлении их в Унии.

Выступления удавалось достаточно легко остановить. К протестовавшим духовной властью применялись кроткие увещевания, перевод из одной епархии в другую, лишение прихода, низведение на причетническую должность, временное помещение в монастырь. Упорствующим по ходатайству преосвященного Иосифа светская власть высылала в великорусские губернии. Хотя крайние меры приходилось применять

редко (например, из 111 возмущившихся священников меры строгости были применены к 25 духовным лицам: 12 перевели в Литовскую епархию, 8 отправили в униатские монастыри и только 5 подверглись высылке в великороссийские губернии), однако, для Семашко стало очевидным, что общее воссоединение необходимо форсировать, иначе оно может быть остановлено интригами. Ускорению способствовало то обстоятельство, что в начале 1838 г. скончались митрополит Иосафат Булгак и епископ Иосафат Жарский – последние противники воссоединения из числа иерархов Униатской Церкви.

2 марта 1838 г. епископ Иосиф был назначен председателем Греко-униатской духовной коллегии. Пользуясь своим новым положением, 1 декабря 1838 г. он подал на имя обер-прокурора Св. Синода графа Протасова записку «О способах порешить окончательно воссоединение Униатов с Православной Церковью», в которой высказался о необходимости безотлагательного разрыва Унии через непосредственное подчинение греко-католиков Св. Синоду. За этим должно было последовать осторожное исключение из богослужения поминания имени Папы и Filioque из Символа Веры. По мере окончательного приготовления воссоединения, униаты целыми приходами и благочиниями должны были входить в состав Русской Церкви. Идею собора униатского духовенства владыка Иосиф полагал излишней, а, учитывая обстановку в крае и зависимое от польских землевладельцев положение священников и крестьян-униатов, даже вредной.

Записка преосвященного Иосифа была передана Н.А. Протасовым на рассмотрение свт. Филарета Московского и митрополита Киевского Филарета Амфитеатрова, которые письменно выразили принципиальное согласие на скорейшее воссоединение. Однако, свт. Филарет видел опасность в проекте архиерея-воссоединителя, поскольку еще 421 униатский священник и 172 монаха не дали подписки о желании присоединиться к Православной Церкви. По его мнению, они могли спровоцировать волнения в крае, и правительству придется подавлять их силой.

Исходя из этого, свт. Филарет предложил свой план упразднения Унии, в котором согласно православной экклезиологии упор делался на соборном обращении униатской иерархии к Св. Синоду с просьбой о присоединении. При этом бывшим униатам должны были оставаться те обычаи и привычки, которые не противоречили православному вероучению.

На заседаниях специально учрежденного Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-униатской Церкви, состоявшихся 22 и 26 декабря 1838 г. был принят план свт. Филарета. Издержкой этого пути, по убеждению преосвященного Иосифа, должно было стать появление упорствующих в католическом исповедании священников и монахов, соблазняющих на такое же поведение своих собратьев. Их нужно было удалять из края, для чего по предложению архиерея-воссоединителя повелением императора Николая I от 13 марта 1839 г. в Курске была создана специальная обитель – просторный дом с устроенной внутри церковью, окруженный обширным садом.

12 февраля 1839 г. в Полоцке под председательством епископа Иосифа был проведен Собор униатского духовенства, главным деянием которого стало подписание Соборного акта о воссоединении униатов с Православием и составление соответствующего прошения на высочайшее имя. Под Соборным актом стояли 24 подписи, принадлежавшие всем 3 греко-католическим епископам и важнейшим начальствующим лицам Униатской Церкви в России. Также к акту прилагались собственноручные подписки униатского духовенства (1305) о желании присоединения.

23 марта состоялось постановление Св. Синода о принятии униатов в лоно Православия и 25 марта император Николай I утвердил это постановление с резолюцией: «Благодарю Бога и принимаю».

30 марта члены Св. Синода в полном собрании вручили преосвященному Иосифу грамоту к воссоединенным епископам с паствою, сопроводив это деяние торжественным лобзанием нового собрата, и совместно возблагодарили Господа. Одновременно с актом воссоединения Иосиф

Семашко был возведен в сан архиепископа, назначен правящим архиереем Литовской и Виленской епархии и председателем синодальной коллегии, переименованной из Греко-униатской в Белорусско-Литовскую.

При воссоединении в общей сложности в великорусские губернии было выслано 36 униатских духовных лиц. Обитель в Курске действовала до 1842 г. Оставшиеся в ней до этого времени показали себя твердыми униатами и надеяться на их обращение больше не приходилось. По представлению архиепископа Иосифа от 21 июля 1842 г. их в зависимости от личного желания частью разослали по разным монастырям России, а частью вывели в светское звание и поселили в разных губерниях России и Украины. До конца своих дней проявившие твердость в католическом вероисповедании униатские духовные лица (всего 20 человек) получали от российского правительства пенсию в размере 350 рублей в год, что превышало жалование действующих православных священников.

Несмотря на блестящий успех воссоединения и видимый карьерный взлет, сразу после Полоцкого Собора положение архиепископа Иосифа было весьма сложным. Польская общественность и католическое духовенство, которым он нанес жестокий удар, пылали к нему ненавистью и ждали удобного момента для мести. Русское общество удивленное неожиданным для него воссоединением униатов, видело в Иосифе Семашко орудие насилия правительства Николая I над религиозной совестью католиков и было настроено к нему враждебно. В среде высшего православного духовенства он считался хитрым честолюбивым чужаком, и многие не скрывали к нему презрения (например, Полтавский епископ Гедeon называл Иосифа «Иудой предателем»).

Отдавая себе во всем этом отчет, архиерей-воссоединитель 26 февраля 1839 г., в момент успешного совершения воссоединения, подал императору записку с просьбой отпустить его на покой, объясняя такое желание тем, что после упразднения Унии его личность станет для правительства обузой, а для Православной Церкви источником неприятностей. Ответом Николая I стало назначение ему пожизненной пенсии в сумме,

полагавшейся со времен императрицы Екатерины II отрешенным от должности униатским епархиальным архиереям.

Оставленный на своем посту архиепископ Иосиф деятельно взялся за текущие дела и в течение 1839 г. окончательно утвердил в сознании бывших униатов незыблемость разрыва союза с Римом, организовав в разных местностях совместные служения древлеправославного и воссоединенного духовенства. В 1840–1842 гг. он работал над ликвидацией административных пережитков Унии, перечислив воссоединенные приходы в ведение местных православных епархиальных начальств и постепенно сокращая полномочия органов управления воссоединенной Церкви в пользу Св. Синода. При этом он действовал против собственного положения, т.к. уменьшалось значение Белорусско-Литовской духовной коллегии, которая по представлению Иосифа была закрыта в 1843 г. После этого его пребывание в Петербурге потеряло смысл и в 1844 г. он покинул столицу и переселился в свою епархию в Успенский Жировичский монастырь.

В 1840–1845 гг. владыка Иосиф, имел обширные планы по организации православной миссии среди католиков империи. Для их осуществления он представил правительству план по замене ультрамонтански настроенных членов управления Католической Церковью в России на более умеренных людей, лично ему известных, а также предлагал Н.А. Протасову использовать для миссии имевшее латинский вид воссоединенное духовенство. Намерения архиепископа Иосифа не встретили понимания и поддержки.

В 1842 г. высокопреосвященный Иосиф решил окончательно изменить внешний вид воссоединенного духовенства. Униатские священники с середины XVIII в. носили сутаны и брились, подражая латинскому духовенству. Чтобы изменить их привычки, хотя разрешенные постановлением Полоцкого Собора, но неуместные для православных пастырей, владыка сам с несколькими ближайшими сотрудниками отрастил бороду и облачился в православное духовное платье, после чего запретил приходскому духовенству самовольно делать то же самое,

объявив, что такое разрешение может быть дано только как награда за усердную службу и хорошее поведение. В результате священники устроили настоящее соревнование, так что через несколько лет все, за исключением нескольких, воссоединенные священники Литовской епархии внешне не отличались от прочих православных.

В 1845 г. высокопреосвященный Иосиф переместил центр своего епархиального управления и Литовскую духовную семинарию из Жирович в оплот полонизма и Латинства в литовско-белорусских губерниях – Вильно. В 1847 г. между Римско-Католической Церковью и правительством Российской империей был заключен конкордат, который ободрил польско-латинское общество и придал ему новые силы для противления русской государственности и Православной Церкви в крае. В итоге после 1847 г. вся внешняя деятельность владыки Иосифа, несмотря на знаки благоволения от властей (в 1847 г. он был возведен в звание члена Св. Синода, в 1849 г. награжден знаком ордена св. Александра Невского) сводилась к охранению своей паствы от нападков римлян, действовавших в обход существовавших законов. Ксендзы тайно переводили воссоединенных в костелы, фальсифицируя записи в метрических книгах, привлекали их на богослужения на латинские праздники, организовывали среди них тайные миссии. Против личности Семашко использовалась клевета, его неоднократно пытались запугать угрозами смерти. В сентябре 1840 г., желая воспрепятствовать освящению Свято-Никольского собора в Вильно, польские патриоты распространяли слухи, что собор подготовлен к взрыву. Однако архиерей-воссоединитель не побоялся войти и служить в возможно заминированном храме. 25 июня 1843 г. во время совершения богослужения в Ковенском Александро-Невском соборе из толпы католиков, присутствовавших в храме, в Литовского архипастыря была пущена стрела, которая, ударившись о паникадило, упала к его ногам. 10 сентября 1845 г. владыка Иосиф получил сообщение от столонячальника Виленского уездного суда И. Пейкерта о планирующемся на него покушении. Во всех случаях архиепископ Иосиф просил власти не предавать фактам угроз широкой

огласки и не давать им хода, т.к. полагал, что это помешает возрождению Православия в крае.

В 1845 г. группа польских помещиков сфабриковала дело некоей Макрены Мечиславской, выдававшей себя за настоятельницу униатского женского монастыря, много пострадавшей за веру от Семашко. Мечиславская была нелегально переправлена в Рим, где получила покровительство Папы и привлекла к себе внимание европейской прессы. Это дело, невзирая на явную ложь, принесло владыке множество затруднений и не только усилило негативное отношение к нему внутри России, но и принесло ему сомнительную известность в странах Европы.

Тяжесть положения архиерея-воссоединителя усиливалась частым несоответствием своему назначению правительственных чиновников в Западном крае, которые или не понимали этно-конфессиональной специфики региона или вполне сознательно становились послушным орудием в руках сторонников возрождения Речи Посполитой. Негативное отношение к личности Семашко демонстрировали Виленские генерал-губернаторы Ф.Я. Миркович, И.Г. Бибииков, В.И. Назимов.

Нападкам с разных сторон высокопреосвященный Иосиф противопоставил строгую законность и последовательность действий. Он скрупулезно не оставлял без внимания ни одного случая проявления враждебности против воссоединенных и неуклонно добивался восстановления законного порядка. Для этого он постоянно с официальными отношениями обращался как в правительственные инстанции, так и к католическому Высшему церковному управлению в России. Благодаря его твердому руководству католический прозелитизм среди бывших униатов в 1840–1850 гг. не получил распространения.

Полагая свое поприще как церковным, так и государственным высокопреосвященный Иосиф наблюдал и за общественно-политической обстановкой в крае. Она в 1850 гг. становилась все более неблагоприятной. Это дало ему повод 10 января 1855 г. обратиться к императору Николаю I через обер-прокурора Св. Синода с конфиденциальным письмом. В нем он предупреждал государя о

неблагонадежности чиновников края, среди которых вопреки существовавшим после восстания 1830–1831 гг. запретам оказалось значительно число польских патриотов, явно ведших против России подрывную деятельность. Согласно негласно собранному Семашко данным среди чиновников разных ведомств в Виленской и Гродненской губерниях было 723 католика и только 140 православных. Отсюда он делал неутешительный вывод: «Православное население Виленской и Гродненской губерний, числом почти в семьсот тысяч народа, зависит почти совершенно от произвола Римлян, господствующих над оным посредством помещиков и посредством местных правительственных и судебных властей». Ответ на это письмо он не получил из-за смерти монарха.

Следующее царствование, отличавшееся либерализмом и примирительным курсом в отношении поляков, еще более усугубило ситуацию, и 26 февраля 1859 г. Семашко передал через обер-прокурора графа Д.А. Толстого императору Александру II новую записку. В ней, указывая на сепаратистские стремления польской национальной партии, он постарался показать всю опасность ее действий для государства, а также предложил меры, способные парализовать усилия противников Российской империи в белорусско-литовских губерниях. В ответ на эту записку Иосиф получил высочайшую благодарность и полное архиерейское облачение, но на политику империи в крае эта записка влияния не имела.

Помимо неустанных трудов по охранению воссоединенной паствы от внешних нападений внимание Литовского архипастыря было направлено на благоустройство своей епархии и преодоление пережитков Унии в духовной жизни духовенства и народа. Он не старался искоренять местные привычки и особенности, отличавшие белорусов от великороссов, полагая главным единство исповедания и богослужебной практики. Здесь он действовал по нескольким направлениям: 1) заботился о повышении уровня образования духовенства, для чего постоянно уделял внимание Литовским духовным школам, добиваясь того, чтобы их выпускники по своим качествам не отличались от прочего православного духовенства; 2) продолжал работу по очищению богослужения от латинских наслоений; 3) старался устранять из повседневной жизни воссоединенных священников

униатское наследие (например, многие жены священников были католичками) и привычки, более свойственные польской шляхте, чем православным пастырям и пр.

К особой заслуге владыки Иосифа необходимо отнести сохранение им местного монашества и старинных белорусско-литовских священнических родов, когда-то православных, затем обращенных в Унию и, наконец, воссоединенных. Иосиф неизменно отвергал многочисленные предложения от чиновников разного ранга (например, М.Н. Муравьева, сенатора М.П. Щербинина) о механической замене белорусско-литовского духовенства на священников и монахов из внутренних губерний России. Труды Литовского архипастыря принесли многочисленные добрые плоды, что достигалось не только твердостью и последовательностью руководства, но и его справедливостью, большим тактом и терпением по отношению к пасомым.

Все это не осталось без внимания правительства. 30 марта 1852 г. Иосиф Семашко был возведен в сан митрополита и пожалован белым клобуком с бриллиантовым крестом, в 1856 г. по случаю коронации императора Александра II, на которой он лично присутствовал, митрополит Иосиф был награжден орденом св. Андрея Первозванного. В 1859 г. он был вызван для заседания в Св. Синоде, где участвовал в решении важнейших вопросов жизни Русской Православной Церкви накануне великих реформ Александра II. Однако вскоре плоды его многолетней деятельности были подвергнуты испытанию.

Как и предупреждал митрополит Иосиф в записке от 26 февраля 1859 г. политика правительства Александра II в Западных губерниях оказалась несостоятельной. Это, прежде всего, оказалось заметным в религиозной сфере. В конце 1850 гг. ксендзы с помощью богатых помещиков-католиков активизировали миссию среди православного населения. В Литовской епархии массовые совращения бывших униатов в костелы имели место в м. Порозово (1858 г.), Клещель и Кленики (1860 г.). Для белорусских крестьян в помещичьих имениях создавались нелегальные польские школы.

Митрополит Иосиф всеми возможными способами боролся с новым польско-латинским наступлением, кроткими увещеваниями возвращая отпадших, ходатайствуя перед чиновниками о закрытии тайных польских школ. Одновременно он поощрял свое духовенство на создание православных приходских школ, число которых к 1860 г. в Литовской епархии достигло 159. В сентябре 1861 г. в Вильно его трудами было

открыто Училище для девиц духовного звания. От его учениц – будущих «матушек» – архиерей-воссоединитель ожидал значительных духовных перемен в семейном быту воссоединенного духовенства и соответствующего влияния на пасомых.

Усилия митрополита Иосифа не могли остановить рост сил польских патриотов, который выплеснулся сначала в антиправительственные манифестации в 1861 г., а затем и в вооруженный мятеж в 1863 г. В Белорусско-Литовских губерниях революционеры рассчитывали опереться на массовую поддержку крестьянства, для чего в своих прокламациях они, помимо прочего, напоминали белорусам об их бывшем униатстве и призывали их вернуться к вере предков. Никто доподлинно не знал, как в этой ситуации поведет себя народ и местное духовенство, вернувшиеся в лоно Православия чуть более 20 лет назад. Вопрос заключался в религиозной и народной правде дела воссоединения.

В мае 1861 г., когда в Вильно начались открытые польские революционные манифестации, митрополит Иосиф обратился к духовенству с воззванием, в котором давал соответствующие обстановке наставления и писал: «Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы Русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки св. Владимира... Нам указывают на Униатскую веру! Как бы была, или могла быть Униатская вера!? Как бы Уния не была лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-Православной Восточной Церкви!? Как бы эта несчастная Уния не была орудием тяжелых терзаний и гонений, которые испытали предки наши в течении трехсот лет; пока мы, потомки их, не обрели наконец тихого пристанища и успокоения на лоне России и матери своей Православной Церкви!».

В это время митрополит Иосиф, оставаясь на своем посту и видя слабые и несоответствующие ситуации действия правительства, не исключал для себя насильственной смерти от революционеров и приготовился к ней, составив завещание. В то же время он не выпустил из рук бразды управления, постоянно связываясь с благочинными, требуя через них отчеты от духовенства о состоянии дел на местах, посылая благословения

и оказывая помощь пострадавшим. Его действия заставляли священников чувствовать постоянное внимание и поддержку епархиальной власти посреди царившего кругом хаоса. Позиция Литовского митрополита и ее твердость стали для воссоединенной паствы примером поведения. Это выразилось в том, что и священники, и простые крестьяне из воссоединенных предпочитали смерть вступлению в польские отряды и помощи им. В Литовской епархии от рук польских патриотов приняли смерть священники Роман Рапацкий и Константин Прокопович, дьячок церкви Святая Воля Пинского уезда Федор Юзефович и принадлежавший духовному ведомству учитель Субочевского сельского училища Вилкомирского уезда Викентий Смольский. Множество духовных лиц подверглись издевательствам, избиениям, грабежам.

Положение дел существенным образом изменилось к лучшему с назначением в 1863 г. генерал-губернатором края М.Н. Муравьева, энергичная деятельность которого очень быстро подняла дух православного населения и положила конец мятежу.

Обремененный тяжелой болезнью, митрополит Иосиф в последние годы жизни кроме обычных дел по управлению епархией, продолжал работать над искоренением остатков Унии в духовной жизни своей паствы, поднятием уровня образования, как духовенства, так и простого народа, над строительством новых и устройством старых храмов, над улучшением быта священников и т.д. Его трудами в 1863 г. была создана газета «Литовские епархиальные ведомости», число церковных школ к 1 апреля 1863 г. достигло 323, в 1865 г. во всех благочиниях Литовской епархии были открыты церковные библиотеки для причтов и проч. Оценкой трудов митрополита Иосифа в это время стало пожалование ему 27 марта 1866 г. посоха, осыпанного драгоценными камнями. Хотя с назначением в 1868 г. начальником края А.Л. Потапова архиерей-воссоединитель был вновь огорчен непостоянством правительственной системы в Литве и Беларуси, тем не менее, он был уверен в необратимости торжества Православия в крае и невозможности возрождения Унии.

Скончался митрополит Иосиф 23 ноября 1868 г. в Вильно на 70-м году жизни и был погребен в пещерной церкви Свято-Духова монастыря под ракой трех Виленских мучеников, в склепе, им самим устроенном в 1851 г. Его могила сохранилась до настоящего времени. В 1870 г., воздавая должную честь заслугам архиерея-воссоединителя, Св. Синод постановил, чтобы во всех церквах Юго-Западной и Северо-Западной России в день блаженной кончины высокопреосвященного Иосифа Семашко о нем совершалась заупокойная служба.

Деятельность митрополита Литовского и Виленского Иосифа Семашко послужила возвращению в православное вероисповедание более полутора миллионов верующих, устранила конфессиональный раскол, возникший в белорусско-литовском обществе после заключения Брестской церковной унии 1596 г., пошатнула господство в Беларуси и Литве полонизма и тем дала мощный толчок развитию белорусской культуры и становлению белорусского национального самосознания. Личность и труды владыки часто подвергаются нападкам со стороны тех, кто видит в церковной Унии средство вытеснения Православия из жизни белорусов и мечтает о возрождении Унии. Бог им судья. Для православных же митрополит Иосиф был и навсегда останется героем нашей Церкви, который личным примером показал путь к спасительной Истине и народной правде.

Литература: Коялович М. О. Литовская церк. уния. СПб., 1859. Т. 1; 1861. Т. 2; он же. О заслугах митр. Иосифа в деле рус. образования в Западной России // ЖМНП. 1868. Т. 140. № 12. С. 896-905; он же. О почившем митр. Литовском Иосифе // ХЧ. 1868. Ч. 2. № 12. С. 915-926; 1869. Ч. 1. № 1. С. 92-134 (отд. отд.: СПб., 1869); он же. История воссоединения западнорус. униатов старых времен. СПб., 1873; он же. [Рец. на:] Записки Иосифа, митр. Литовского. СПб., 1884; он же. К предстоящему 50-летию воссоединения зап.-рус. униатов 1839 г. // ЦВ. 1889. № 9. С. 153-155; № 10. С. 173-176; № 11. С. 193-196; № 12. С. 213-216; № 13. С. 233-235 (отд. отд.: СПб., 1889); Антоний (Зубко), архиеп. О греко-униатской Церкви в Зап. крае // РВ. 1864. Т. 53. № 9. С. 279-342; Муравьев А. Н. Рус. Вильна. СПб., 1864. С. 47; Предложения Литовского митр. Иосифа литовскому духовенству // ПО. 1864. Т. 13. Янв. С. 43-46; 25-летняя годовщина воссоединения униатов в Литве // Там же. Апр. С. 220-222; Вигель Ф. Ф. Воспоминания // РВ. 1865. Т. 60. С. 477-478 (отд. изд.: М., 1865. Ч. 7. С. 137-138); Некрасов В. П., свящ. Виленский Св.-Никольский кафедральный собор. Вильна, 1868. С. 19-27; [По случаю кончины Литовского митрополита, преосв. Иосифа] // Литовские Ев. 1868. № 22. С. 964-991; № 23. С. 1017-1060; № 24. С. 1065-1068, 1074-1095; Некролог: Высокопреосв. Иосиф, митр. Литовский и Виленский // Странник. 1868. Т. 4. № 12. С.

155-159; Литовский митр. Иосиф: (Некролог) // ПО. 1868. Т. 27. Дек. Заметки. С. 151-166; О кончине митр. Иосифа // Вестн. Зап. России. Вильна, 1868. Т. 3. Кн. 9. Отд. 4. С. 298-337; Еще нек-рые сведения о покойном митр. Иосифе // Там же. Т. 4. Кн. 10. Отд. 4. С. 29-35; Де Пуле М. Ф. Митр. Иосиф Семашко: Некролог // СПбВед. 1868. № 326; Кончина и погребение преосв. Иосифа, митр. Литовского и Виленского // Виленский вестн. 1868. № 133, 26 нояб. С. 530; № 135, 30 нояб. С. 537-538 (То же // Изв. по Казанской епархии. 1868. № 24. С. 705-718); На могилу великого архипастыря. Вильна, 1868; Дылевский Е. В. Иосиф (Семашко), митр. Литовский и Виленский, член Св. Синода. СПб., 1869 (отд. отт. из: Странник. 1869. Т. 38. № 4. С. 4-44; № 5. С. 47-102; № 6. С. 105-156); Высокопреосв. Иосиф, митр. Литовский и Виленский // Киевские Ев. 1869. № 1. Отд. 2. С. 1-20; Благотворительная деятельность в Бозе почившего митр. Иосифа // Там же. № 2. Отд. 2. С. 81-82; Высокопреосв. Иосиф, митр. Литовский и Виленский // Черниговские Ев. 1869. Приб. № 7. С. 263-280; № 9. С. 345-361; № 10. С. 370-384; Сушков Н. В. Восп. о митр. Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России. М., 1869 (отд. отт. из: ЧОИДР. 1869. Кн. 1. Смесь. С. 159-197); Толстой Д. А. Очерк служения митр. Литовского Иосифа, скончавшегося в 1868 г.: (Извлеч. из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода гр. Д. А. Толстого по ведомству правосл. исповедания за 1868 г.) // ХЧ. 1869. № 12. С. 1076-1110 (То же // Изв. по Казанской епархии. 1870. № 3. С. 71-77; № 5. С. 133-141; № 6. С. 163-174); он же. Иосиф, митр. Литовский, и воссоединение униатов с правосл. Церковью в 1839 г. // ЖМНП. 1869. Т. 94. Отд. 2. № 5. С. 72-83; № 8. С. 251-272; Т. 95. № 9. С. 1-23; № 10. С. 207-234 (отд. отт.: СПб., 1869); Геннади Г. Н. Краткие сведения о рус. писателях и ученых, умерших в 1868: [Иосиф Семашко] // РА. 1870. № 11. Стб. 2023-2025; [Памяти покойного митр. Иосифа] // ПО. 1870. Март. С. 66-67; Морошкин М. Я., свящ. Воссоединение унии: Ист. очерк // ВЕ. 1872. № 4. С. 606-643; Чистович И. А. Униатская Церковь в России при имп. Николае I // ПО. 1881. Т. 1. Янв. С. 79-101; Апр. С. 724-761; он же. Очерки истории западнорус. Церкви. СПб., 1882-1884. Ч. 1-2; он же. 50-летие (1839-1889) воссоединения с правосл. Церковью западнорус. униатов: Обзор событий воссоединения в царствование имп. Николая I. СПб., 1889; Е-в А. Е. Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский // РС. 1882. Т. 36. Ноябрь. С. 335-342; Гр. М. Н. Муравьев // РС. 1883. Т. 38. Апр. С. 228-229; Июнь. С. 695-696; Знаменский П. В. Нечто о записках архиеп. Василия Полоцкого по поводу выхода в свет записок митр. Литовского Иосифа Семашки // ПС. 1884. Ч. 1. № 3/4. С. 310-329; Василий (Лужинский), архиеп. Записки о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с правосл. российской Церковью, написанные в кон. 1866 г. Каз., 1885; Филарет Московский, свт. Собр. мнений. 1885-1888. Т.

1-5; Дуров М. А. Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский. Варшава, 1886; Иосиф, митр. Литовский, как поборник рус. интересов в Северо-Западном крае. Вильна, 1886; Кедров Н. Литовский митр. Иосиф Семашко и его деятельность по воссоединению униатов. М., 1887; В. Г. [Рец. на:] Кедров Н. Литовский митр. Иосиф Семашко и его деятельность по воссоединению униатов. М., 1887 // ИВ. 1888. Т. 31. Февр. С. 495-496; Городецкий М. Полувековой юбилей воссоединения западнорус. униатов с правосл. Церковью // ИВ. 1889. Т. 35. Март. С. 693-700; Иванов А. В. Высокопреосв. Иосиф Семашко. СПб., 1889; Извеков Н. Д., прот. Высокопреосв. Иосиф (Семашко), митр. Литовский и Виленский. Вильна, 1889; он же. История Литовской ДС. Вильна, 1892; он же. Памяти митр. Иосифа: (Слово... сказанное 23 нояб. 1893 г. в виленском Свято-Духовом мон-ре). Вильна, 1894; он же. Ист. очерк состояния церкви в Литовской епархии, 1839-1889 гг. М., 1899; Корсунский И. К 50-летию воссоединения западнорус. униатов с правосл. Церковью // ПрибЦВед. 1889. № 13. С. 356-366; № 17. С. 456-463; Ливанский И. В., свящ. Блаженной памяти свт. Божия Иосифа Семашко, митр. Литовского и Виленского: Стихотворение. Витебск, 1889; Малышевский И. И. Воссоединение западнорус. униатов с правосл. Церковью // ПрибЦВед. 1889. № 18. С. 497-502; Наумович И. Г., прот. 50-летие (1839-1889) воссоединения с Правосл. Церковью западнорус. униатов. СПб., 1889; Павлович Ф., прот. Памяти митр. Иосифа Семашки: (Стихотворение) // ПрибЦВед. 1889. № 13. С. 367-368; 50-летие (1839-1889) воссоединения с правосл. Церковью западнорус. униатов / Сост.: Ю. Ф. Крачковский. СПб., 1889; Соловьев С., свящ. Привет правосл. священника: (Стихотворение 1849 г.) // Рус. паломник. 1889. № 24. С. 281-282; Торжество православия // Там же. 1889. № 13. С. 149-151; Петров Н. И., Городецкий М. И. Белоруссия и Литва: Ист. судьбы Сев.-Зап. края. СПб., 1890; Иосиф (Соколов), еп. Виленский правосл. некрополь. Вильна, 1892. С. 51-52, 323; Берман М. А. Виленский архиерейский хор при митр. Иосифе. Вильна, 1893; Макаревский М. И. [Рец. на:] Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки // Рус. паломник. 1893. № 43. С. 687; Рункевич С. Г. История Минской архиепископии, 1793-1832 гг. СПб., 1893. С. I, 572; он же. Краткий ист. очерк столетия Минской епархии. Минск, 1893. С. 60-63, 71, 74, 75, 78-81; Киприанович Г. Я. Высокопреосв. Иосиф (Семашко), митр. Литовский и Виленский: Очерк его жизни и деятельности. Вильна, 1894; он же. Жизнь Иосифа Семашки, митр. Литовского и Виленского, и воссоединение западнорус. униатов с правосл. Церковью в 1839 г. Вильна, 1897; М. Б. Неск. слов о митр. Иосифе // Литовские Ев. 1894. № 4. С. 26-27; К 50-летию Виленской правосл. кафедры // ЦВ. 1895. № 6. Стб. 177-179; Жукович П. Н. Иосиф Семашко // РБС. Т.: Ибак-Ключарев. С. 341-344; Егоров А. Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский. Платон Городецкий, митр. Киевский и Галицкий. Од., 1899; Миловидов А. И. Заслуги гр. М. Н. Муравьева для правосл. Церкви в Северо-зап. крае.

Харьков, 1900; Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Серг. П., 1901. Т. 3. С. 415-429; 1902. Т. 4; 1906. Т. 6; Едлинский М. Е., свящ. Подвижники и страдальцы за веру православную и землю свято-русскую. СПб., 19034. Т. 2. С. 290-312; Балтрамайтис С. Сб. библиогр. мат-лов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. СПб., 19042; Виноградов А. Правосл. Вильна: Описание Виленских храмов. Вильна, 1904; ЖПодв. Т. 11. С. 580-697; Шавельский Г., прот. Последнее воссоединение с Правосл. Церковью униатов Белорусской епархии: (1833-1839 гг.). СПб., 1910; Радостный юбилей: (К 75-летию со дня воссоединения западнорус. униатов с правосл. Церковью) // Рус. паломник. 1914. № 12. С. 181-186; 1863 год на Меншчыне. Минск, 1927. С. 144; Шабатин И. Из истории воссоединения белорусских униатов // ЖМП. 1951. № 2. С. 35-47; № 6. С. 59-63; № 10. С. 47-54; № 11. С. 51-61; Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во 2-й пол. XIX в. Минск, 1980; Сенько П. Е. Рус. церк. деятели - члены Академии наук. СПб., 1995. С. 127-128, 216, портр.; Смолич. История РЦ. 1997. Ч. 2; Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 174-189. (МИЦ; Кн. 26); Носко М. Униатская Церковь в нач. XIX в. и подготовка к воссоединению с Православием: Дис. Жировичи, 2000. Ркп.; Утрата С., иер. Восстание 1863-1864 гг. и церк. жизнь в Белоруссии: Дис. Жировичи, 2000; Романчук А., иер. Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский: Церк. деятельность в 40-60-е гг. XIX в.: Дис. Жировичи, 2001. Ркп.; Яноуская В. В. Хрысціянская Царква у Беларусі у 1863-1914 гг. Мінск, 2002; Новинский В., прот. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс, 2005; Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-зап. крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 29, 98, 283, 348; Зап. окраины Российской империи / М. Д. Долбилов и др. М., 2006. С. 109, 110, 121, 140, 233, 243; Шлевис Г. Правосл. храмы Литвы. Вильнюс, 2006. С. 4, 22-23, 43-44, 96; Слюнькова И. Н. Храмы и мон-ри Беларуси XIX в. в составе Российской империи. М., 2010. С. 166-168, 533.